

Судьба поэта.

„Ждалъ состраданія, но нѣть его; — утѣшителей, но не нашелъ. Въ пищу мнѣ давали желчъ и въ жаждѣ моей поили меня уксусомъ“. (Псаломъ LXIX, 21, 22).

„Много тѣснили меня отъ юности моей, но не одолѣли меня“. (Псаломъ CXXIX, 2).

Въ 16-лѣтнемъ возрастѣ Лермонтовъ глубоко задумался надъ своимъ разительнымъ сходствомъ съ Байрономъ и писать:

У насъ одна душа, одинъ и тѣ же муки;
O, если-бы одинаковъ быль удѣль! (I, 143) ¹⁾.

Онъ просилъ Бога даровать ему жребій Байрона: «хотя-бы я былъ такъ же несчастливъ, какъ Байронъ» (IV, 351). Мольба эта была услышана: онъ не менѣе великъ, но и не менѣе несчастенъ, чѣмъ Байронъ.

Жизнь Лермонтова кратковременна и печальна. Надъ нимъ словно тяготѣлъ злой рокъ: ни въ чемъ поэтъ не зналъ счастья и свое бессмертие купилъ дорогой цѣной.

Мы пишемъ не біографический очеркъ; здѣсь мы хотимъ сказать, въ общихъ чертахъ, о томъ, что въ жизни Лермонтова было грустнаго и трагического, и напомнить лишний разъ, что мы не умѣемъ ни беречь великихъ людей, ни хранить память о нихъ. Употребляя слова «судьба», «рокъ», мы не склонны, однако, рассматривать вопросъ съ метафизической точки зрѣнія. Бываютъ странныя, слу-

¹⁾ Сочиненія Лермонтова цитируемъ по Академическому изданію.

чайныи сцены счастливыхъ или несчастливыхъ обстоятельствъ, и постыдныхъ немало было въ жизни Лермонтова; но не будемъ во всемъ винить слѣпой рокъ: нерѣдко источникомъ непрѣятностей и тяжкихъ испытаний, выпадавшихъ на долю поэта, являлась злая воля недруговъ, сознательно направленная противъ него.

Даже ранніе дѣтскіе дни Лермонтова не были безоблачными. Въ младенчествѣ, на третьемъ году, потерялъ матерь, и съ той же поры былъ разлученъ съ отцомъ; любилъ отца и бабушку и внутренне невыносимо страдалъ, зная, что является причиной ихъ взаимной вражды.

Онъ не имѣлъ ни брата, ни сестры,
И тайнѣхъ мукъ его никто не вѣдалъ. (II, 166).

Послѣ смерти отца стала еще болѣе одинокимъ. Товарищемъ имѣлъ мало и часто съ горечью говорилъ о непостоянствѣ дружбы. Молодая дѣвушка, въ кругу которыхъ онъ ростъ, подсмѣивалась надъ имъ. Онъ былъ «несулюжимъ, косолапымъ мальчикомъ лѣтъ шестнадцати или семнадцати»; не разучался «съ огромнымъ Байрономъ», декламировалъ Сашенькѣ Верещагиной и Катенькѣ Сушкивой Пушкина и Ламартина, а онѣ дразнили его и подавали «ему воланъ или веревочку, увѣряя, что по его лѣтамъ ему свойственнѣе прыгать и скакать»¹⁾. Когда онъ выросъ, некрасивая наружность приносила ему еще больше огорчений.

Въ университѣтѣ онъ не сблизился со сверстниками, стоялъ вѣкъ ихъ кружковъ, и свѣтскія развлечения не мѣшали ему писать стихи и успѣшио проходить науки. На экзаменахъ онъ удивлялъ профессоровъ своею начитанностью, но не полюбился имъ незадиссимостью характера и своею колкостью, и юношу принудили оставить храмъ науки. Онъ сталъ военнымъ...

Въ 1837 году погибъ на дуэли Пушкинъ. Стихотвореніе, вызванное его смертью, сдѣлало имя Лермонтова извѣстнымъ; оно ходило по рукамъ въ безчисленныхъ спискахъ,

¹⁾ Хвостова. „Записки“. П. Г. 1871 г., 78—81.

было сначала одобрено самимъ государемъ. Россія могла бы сказать надъ гробомъ Пушкина: «Поэтъ умеръ,—да здравствуетъ поэтъ!» Однако, за свой благородный по-рѣвъ Лермонтовъ поплатился ссылкой и навсегда приобрѣлъ нерасположеніе къ себѣ высшихъ сферъ.

Не быть онъ счастливъ и въ личной жизни. Еще студентомъ полюбилъ онъ «молодечную, милую, умную, какъ день, и въ полночь смыслъ восхитительную, В. А. Лопухину; это была натура пышная, восторженная, поэтическая и въ высшей степени симпатичная»¹⁾. Онъ нравился ей, но она,— неизвѣстно, почему,—вышла замужъ за другого. Потѣть глубоко страдалъ, ревновалъ, искалъ забвенія въ мимолетныхъ увлеченіяхъ, но прежняя любовь не угасала, выдержала всѣ испытанія. О томъ, насколько чувство это было сильно, искренно и идеально, свидѣтельствуютъ слѣдующіе стихи, написанные въ 1840 г. и обращенные къ Лопухиной-Бахметевой:

Безумно ждать любви заочной!
Въ нашъ вѣкъ всѣ чувства лишь на срокъ;
Но я вѣсъ помню, — да и точно,
Я вѣсъ никакъ забыть не могу!
Во-первыхъ, потому, что много
И долго, долго вѣсъ любилъ,
Потомъ страданьямъ и тревогой
За дни блаженства заплатилъ,
Потомъ въ раскаяніи бесплодномъ
Влачилъ я цѣль тяжелыхъ лѣтъ,
И размышилъ холоднымъ
Убыто постыдной жизни цѣѣтъ...
Съ людьми сближаясь осторожно,
Забыть я шумъ младыхъ проказъ,
Любовь, позѣю... но вѣсъ
Забыть мнѣ было невозможно.
И къ мысли этой я привыкъ,
Мой крестъ несу я безъ роптанья... (II, 299).

¹⁾ А. П. Шань-Гирей. „Лермонтовъ“. („Рус. Обозр.“, 1890 г., VIII, 729).

Поэтъ одиноко скитался по России. Нельзя не удивляться тому, какъ много онъ успѣлъ написать, несмотря на самыя неблагопріятныя условія; военная служба отрывала его отъ письменного стола, не давала ему расширить и упрочить литературнаго знакомства. Въ далекой глупши, на Кавказѣ, среди бранныхъ тревогъ и опасностей, онъ мечталъ обѣ отставкѣ, обѣ основаніи собственнаго журнала. Желая заслужить прощеніе государя, онъ очень ревностно и самоотверженно лежалъ долгъ офицера, и ближайшее начальство представляло его къ наградамъ; но высшее не давало ни наградъ, ни отставки. Въ отчаяніи онъ бросался поль пули, ежечасно рисковалъ собою въ стычкахъ съ горцами. Но судьба—до срока—хранила его жизнь. Много испытала поэты: раннюю смерть родителей, несчастную любовь, немилость государя, ссылки, свѣтскія интриги, однако, чаща страданій все еще не была выпита до дна.

Въ началѣ 1841 г. ему удалось получить отпускъ; иѣсколько мѣсяцевъ онъ провелъ въ обществѣ преданныхъ, радушно встрѣтившихъ его, друзей, но вскорѣ былъ высланъ на Кавказъ, попасть въ Пятигорскъ, нарушилъ сонное теченіе праздной жизни его обитателей и палъ на дуэли.

Напомнимъ о пророческихъ мотивахъ поэзіи Лермонтова; они придаются его біографіи жуткую красоту. Потомокъ вѣщаго барда Томаса, онъ обладалъ даромъ двойного зрѣнія, вѣрилъ въ предсказаній, предчувствія и не разъ говорилъ, что его ждѣтъ ранняя и страшная смерть.

Въ 1830 г. онъ пишетъ:

...Всѣ мои жестокія мученія —
Одно предчувствіе гораздо большихъ бѣдъ. (I, 143).

Въ 1831 г.:

Я предузналъ мой жребій, мой конецъ,
И грусти ранняя на мнѣ печать. (I, 260).
Душа моя должна прожить въ земной неволѣ
Не долго. (I, 290).

Въ 1837 г.:

Не смѣйся надъ моей пророческой тоскою.
Я знаю: ударъ судьбы меня не обойдетъ...
... Настанетъ часъ кровавый...
И я паду, и хитрая вражда
Съ улыбкой очернить мой недоцвѣтшій геній. (II, 214—215).

Въ 1841 г.:

Съ свинцомъ въ груди лежалъ недвижимъ я. (II, 340).

Его герои вѣрятъ въ судьбу, въ предчувствія, одиноко умираютъ въ цѣнѣ лѣтъ. Зорамъ говорить:

Когда-нибудь — и скоро — я
Оставлю попы бытія... (I, 320).

Измаиль-Бей и Хаджи-Абрекъ—«дѣти рока» (II, 52, 100).
Сашка

быть рожденъ подъ гибельной звѣздой. (II, 166).

Печорингъ признается: «Мои предчувствія меня никогда не обманывали». (IV, 214). «Когда я былъ еще ребенкомъ, одна старуха гадала про меня моей матери; она предсказала мнѣ: смерть отъ алої весны ¹⁾); это меня тогда глубоко поразило; въ душѣ моей родилось непреодолимое отвращеніе къ женинѣ... Между тѣмъ, что-то мнѣ говорить, что ея предсказаніе сбудется». (IV, 248). Онъ предсказалъ смерть Булича.

Въ 1841 г., передъ отѣзdomъ на Кавказъ, «ко свидѣтельству многихъ очевидцевъ, Лермонтовъ во время прощальнаго ужина былъ чрезвычайно грустенъ и говорилъ о близкой, ожидавшей его смерти». Передъ этимъ онъ быть у гадалки, предсказавшей смерть Пушкина; на вопросъ Лермонтова, задутъ ли ему отставку, и останется ли онъ въ Петроградѣ, она сказала, что въ Петроградѣ ему больше не быть, и отставки ему не ладутъ, а будетъ другая отставка, послѣ которой онъ ни о чёмъ просить не станетъ. Лермонтовъ

¹⁾ Курсивъ М. Ю. Л.—ва.

товъ посмѣялся надъ этимъ, но когда получилъ приказъ немедленноѣхать на Кавказъ, онъ былъ сильно пораженъ. Припомнилось ему предсказаніе. (Висковатый, «М. Ю. Л.—въ», 377—378). Но онъ смѣло щелъ навстрѣчу смерти. Еще въ раннѣй юности онъ бросалъ судьбѣ вызовъ:

Я жить хочу! хочу печали,
Любви и счастію на зло:
Они мой умъ избаловали
И слишкомъ сладили чело.
Пора, пора насыщика свѣта
Прогнать спокойствій туманы:
Чтѣ безъ страданій жизни поэта,
И чтѣ безъ бури океанъ? (II, 8).

Или:

Я безъ страха жду довоременный конецъ. (II, 215).

Такія же мысли онъ высказываетъ устами героя. Азраиль говоритъ:

Пусть свирѣпый рокъ
Сбираетъ тучи, пусть моя звѣзда
Въ туманѣ вѣчномъ тонеть навсегда,—
Я не боюся! (I, 309—306).

Зоримъ:

Вѣрь: для меня ничто угрозы
Судьбы коварной и сѣлой. (I, 321).

Печоринъ передъ дуэлью писалъ въ дневникѣ: «Мы бро-
симъ жребій!.. и тогда... тогда... что если его счастье пере-
тятнется? если моя звѣзда, паконецъ, мнѣ измѣнится?... И не-
мудрено: она такъ долго служила вѣрно моимъ прихотямъ.

Что-жъ? умереть, такъ умереть!» (IV, 254).

За пѣсколько часовъ до смерти Вулича Печоринъ про-
чель на его лицѣ зловѣщую печать и сказалъ ему обѣ
этотъ. (IV, 271, 272). Вуличъ, ничего не боявшійся, смутилъ-
ся и въ, самомъ дѣлѣ, въ ту же ночь былъ убитъ. Свою
смерть Лермонтовъ предугадалъ болѣе, чѣмъ за десять

лѣтъ и съ мужествомъ ожидалъ конца; страхъ рѣдко про-
никалъ въ его душу¹⁾; его больше тревожило и пугало
то, что онъ умретъ, не успѣвъ выполнить своей миссии;

Мнѣ жизнь все какъ-то коротка,
И все боюсь, что не успѣю я
Свершить чего-то! (I, 259).

Умеръ Лермонтовъ, но злая судьба продолжала преслѣ-
доватъ его. Похоронили поэта 17 июля 1841 г., а мѣсяцъ
спустя (18 августа 1841 г.) начальникъ штаба Отдѣльного
Кавказскаго Корпуса, ген.-м. Конебу, отправилъ рапортъ
командующему войсками на Кавказской линіи и Черноморіи,
ген.-ад. Граббе, о повелѣніи государя, чтобы Лермонтовъ
«непремѣнно состоялъ налицо во фронѣ и чтобы на-
чальство отнюдь не осмѣшивалось ни подъ какимъ пред-
логомъ удалять его отъ фронтовой службы въ свою пользу».
(А. Павловъ. «Николай Павловичъ о Лермонтовѣ».—
«Рус. Арх.», 1911 г., № 9, стр. 159). Но поэтъ уже не подле-
жалъ земной власти.

Въ слѣдующемъ году прахъ Лермонтова былъ перевезенъ
въ родныи Тарханы; его первая, разрытая могила, возлѣ
которой лежалъ надгробный камень, постѣщалась, прѣѣз-
жими, и это кого-то смущило. «Могила была засыпана, и камень въ нее сброшенъ. Часть его еще долго торчала изъ-
подъ земли. Затѣмъ онъ исчезъ» (Висковатый, 435)²⁾. Современники-пятигорцы не понимали, кого потеряла Россія
въ лице поручика тѣлегинца, и не выказали должнаго ува-
женія къ его памяти. Все забылось: въ какомъ именно дому
жилъ Лермонтовъ, гдѣ происходила дуэль, гдѣ быть похо-

¹⁾ См., напр., стихотвореніе „Гляжу на будущность съ боязнью“ (II, 910).

²⁾ Рассказываютъ, что камень былъ положенъ товарищами поэта, и что на немъ было вырезано имя Лермонтова — „Михаилъ“ (см. „Новости“ 2-ое изд., 1891 г., № 306, стр. 2; ср. „Русская Старина“, 1888 г., V, 480 — Е. С. Некрасова, „М. Ю. Л.“). Э. А. Шань-Гирей рассказывала, что она по-
мнить, какъ камень скатился въ могилу, когда ее разрывали (Е. С. Некра-
сова, „М. Ю. Л.“ — „Рус. Стар.“, 1888 г., V, 480).

ронент поэт; все это позже опредѣлено было лишь *приблизительно*.

У поэта было много родныхъ и близкихъ знакомыхъ, но ихъ воспоминанія о немъ очень скучны и неполны. Неизвѣстно, напр., въ какомъ году умеръ отецъ Лермонтова. Значительная часть рукописей поэта (вт особенности, письмъ) исчезла безследно. Еще при его жизни мужъ Варвары Бахметевой (Попухиной) «решительно запретилъ» ей «имѣть съ поэтомъ какія-либо отношенія. Онъ заставилъ ее уничтожить письма поэта и все, что тогдѣ-либо ей дарили и посыпалъ. Тогда-то Варенька передала долгогодъ ей рукописи и рисунки поэта близкимъ своимъ, въ особенности Сашѣ Верещагиной. Такимъ образомъ въ смысѣ послѣдней въ Штутгартѣ сохранилось многое» (Висковатый, 280—290). Разумѣется, это «многое»—далеко не все; напр., намъ неизвѣстны письма Лермонтова къ Бахметевой; повидимому, они или были уничтожены, или затерялись; а они пролили бы свѣтъ на неясныя страницы биографіи поэта. Узнавъ обѣ его смерти, Ареонѣева «всѣ вещи, всѣ сочиненія, труда, платья, игрушки—всѣ, что старушка берегла—все она раздала, не будучи въ состояніи терпѣть около себя что-либо, до чего касался поэтъ. Слишкомъ велика была боль! Потому-то такъ трудно приходилось собирать повсюду разѣзжанный материалъ для полнаго собранія сочиненій Лермонтова и биографіи его» (Висковатый, 445). У Глѣбова было несколько писемъ съ драгоценными, неизвѣстными намъ стихами Лермонтова; письма эти читалъ Боденштедтъ и именно изъ нихъ взялъ мотивы «Размышленій» и «Набросковъ» Лермонтова. Въ письмахъ «были изречения, которыя, сдѣлавшись извѣстными, могли бы имѣть серьезній послѣдствій. Глѣбовъ изъ руки ихъ не выдѣжалъ, по кт. интимнѣхъ кружкахъ сокрета изъ нихъ не дѣжалъ». Въ 1847 г. Глѣбовъ былъ убитъ на войнѣ, и находившаяся при немъ рукопись поэта погибла (см.: Висковатый, «Къ материаламъ для биографіи М. Ю. Лермонтова»—«Рус. Стар.», 1879 г., X, 353; собр. соч. Л—ва подъ ред. Висковатова, I, 349; VI, 396, 403). «Демонъ», излюблен-

ное созданіе поэта, раздѣляется съ днѣмъ его злосчастную судьбу. О существованії этой поэмы русское общество знало еще задолго до появленія ея въ печати. О возникновеніи постѣдней ся редакціи Шантъ-Гирѣй, близкій другъ Лермонтова, разсказываетъ слѣдующее: одній изъ членовъ царской фамиліи пожелалъ прочесть «Демона»; Лермонтовъ вновь принялъ исправлять поэму, отдалъ переписать и, по одобрѣніи къ печати цензурой, препроводилъ по назначению; черезъ несколько дней получила ее обратно; послѣ этого поэма не передѣльвалась; поэтъ не торопился печатать ее, не отказываясь отъ мысли еще поработать надъ нею (см. Шантъ-Гирѣй. «Л—въ»—«Рус. Обозр.», 1890 г., VIII, 745—747). Краевскій хотѣлъ напечатать «Демона» въ январской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» за 1842 г.; текстъ поэмы былъ набранъ и корректированъ, но неожиданное цензурное запрещеніе задержало выходъ ея въ свѣтъ—до... 1860 г.; до этого въ Россіи появлялись лишь отрывки; за границей поэма полностью вышла несколько раньше—въ 1856 и 1857 гг. До настѣ дошли многочисленные списки «Демона»; знатоки лермонтовскихъ рукописей расходятся въ мнѣніяхъ относительно авторитетности этихъ источниковъ, и окончательно установленного текста «Демона» пока нѣтъ, хотя поэма до послѣдняго времени привлекаетъ изслѣдователей творчества Лермонтова¹.

Мы имѣемъ интереснѣйшія изданія сочиненій Лермонтова, полу-научнаго, полу-популярнаго характера, но на участѣ избранныхъ, страго научнаго изданія, какъ нѣтъ и хорошаго общедоступнаго изданія избранныхъ произведений поэта.

Мы до сихъ поръ остаемся въ долгу у поэта, недостаточно высоко чтимъ его память. Москва, въ которой Лермонтовъ родился, жилъ, работалъ и которую любилъ «какъ сынъ,

¹) См., напр., Акад. изд. соч. Л—ва, II; Е. В. Аничковъ, «Методологическая замѣтка о текстѣ „Демона“ („Изв. отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ“, 1913 г., № 3, стр. 276—355); Нейманъ, «Кіевскій списокъ поэмы Л—ва „Демонъ“ („Чтения въ историч. об-вѣ Нестора Лѣтописца“, 1913 г., вып. II, стр. 105—112); Собр. соч. Л—ва подъ ред. В. В. Каллиша, М., 1914 г., III т.

какъ русскій,—сильно, пламенно и нѣжно¹⁾), не имѣеть ни музея имени Лермонтова, ни даже памятника ему; правда, подпіска на памятник поэту въ Москвѣ уже открыта, но по жертвованій, судя по сообщеніямъ газетъ и журналовъ, даются студію, неохотно.

Юбилей Лермонтова совпалъ съ великой европейской войной; это сузило программу чествования поэта и заставило отложить открытие памятника въ Петроградѣ, помѣшало выходу широкого задуманного изданія сочиненій Лермонтова подъ редакціей Щеголева... Судьба!

Столѣтіе со дnia рожденія геніальнаго поэта было скромно отпраздновано подъ шумъ міровой войны. Однако, гулъ пушекъ менѣе угрожаетъ имени поэта, нежели равнодушіе или вражда; совпаденіе юбилея съ войной—простая случайность, куже всего—глухая непрѣкѣнъ, иереса пнувшая за порогъ XIX вѣка и неоступно ползущая по стѣдамъ поэта. Какъ и Пушкинъ, Лермонтовъ за свои величія страданія и бессмертныя пѣсни получила отъ родины «фѣнецъ терновый, увитый лаврами»²⁾. Авторъ самыхъ вдохновенныхъ и трогательныхъ «Молитвъ» («Въ минуту жизни трудную», «Я, Матерь Божія») и «Вѣти Палестинъ» пятигорскіе священники отказались хоронить по церковному чиноположенію, и надѣ тѣломъ поэта, какъ гласятъ «Метрическія книги Пятигорской Скорбященской церкви», за 1841 г., «погребеніе пѣтъ не было» (см. «Русское Обозрѣніе», 1895 г., II, 849³⁾). Литію и обѣднію надѣ «самоубийцѣй» отслужилъ католіческій кенсідѣръ, а послѣ него—лютеранскій священникъ (см. Желиховская, «Разсказъ Раевскаго о дуэли Лермонтова», «Нива», 1885 г., № 8, 187). В. И. Чилиевъ послѣ смерти Лермонтова заново рѣшилъ освятить тѣ комнаты, которыхъ въ его домѣ занималъ поэтъ, и где лежало его тело⁴⁾. Въ селѣ Подмокловъ (Московской губ., Подоль-

¹⁾ Л., II, 145.

²⁾ Л.—въ, II, 203.

³⁾ Хоръ пѣть только „Святый Боже“ (см. „Рус. Обозр.“, 1895, II, 857; ср. Л. Соколовъ, „Около смерти М. Ю. Л.—ва“, Кіевъ, 1915 г., 8, 9).

⁴⁾ „Русское Обозрѣніе“, 1895 г., II, 843, 853.

скаго уѣзда), въ церкви, на картинѣ страшнаго суда Лермонтовъ помѣщенъ въ числѣ горящихъ въ огнѣ грѣшниковъ (Л., V, стр. СХХІ—СХХІІІ). Такой казни не испытала ни одинъ изъ русскихъ писателей.

«Даже за гробомъ преслѣдовала Михаила Юрьевича клевета и злоба. Цenzура не пропускала слишкомъ сочувственныхъ о немъ отзывовъ, не терпѣла выраженій высокаго уваженія къ поэту; она вычеркивала слова: *славный*¹⁾, знаменитый, и проч.... Вообще, очевидно, старались по возможности сдержать симпатію къ молодому поэту, а память его зачернить и распространить въ обществѣ, какъ и прежде, о немъ дурюсъ мнѣніе». (Висковатый, 443). Время далеко не смягчило остроту враждебнаго къ Лермонтову отношенія. Къ хору хвалебныхъ голосовъ рѣзкимъ лиссонансомъ присоединяются крики: «Распни его!» Не даромъ поэтъ сравнивалъ себя съ гонимымъ пророкомъ. Въ 1881 г. тутъ же Василий Эрастовъ, протоіерей пятигорскаго собора, отказался отслужить панихиду по Лермонтову (см. Л. Соколовъ, «Около смерти М. Ю. Л.», Кіевъ, 1915 г., 19). Въ 1891 г., когда вся Россія чествовала память поэта, Литературному фонду съ большимъ трудомъ удалось добиться разрешенія совершить панихиду по Лермонтову въ Казанскомъ соборѣ; протоіерей отказался; разрешеніе далъ митрополитъ (см. Градовский, «Итоги». Кіевъ, 1908 г., 365—366). Е. Ганейзеръ передаетъ, что въ концѣ 90-хъ годовъ ему пришлось встрѣтиться съ В. Эрастовымъ, послѣдний не скрывалъ своего нерасположенія къ Лермонтову и того, что онъ отказался хоронить поэта. (Е. Ганейзеръ, «Отзыvъ современника о Л.—вѣ», — «В. Евр.» 1914 г., III, 390—393)²⁾. Въ 1891 г. въ «Новостяхъ» было подчеркнуто «непозволительное, скандальное равнодушіе» московской интелиген-

¹⁾ Курсивъ Висковатова.

²⁾ Любопытно, что при открытии Лермонтову памятника на мѣстѣ дуэли, въ Пятигорскѣ, 15 июля 1901 г., чествование памяти поэта началось панихидой, отслуженной соборнѣ, во главѣ съ В. Эрастовымъ. (См. замѣтку „Открытие памятника на мѣстѣ дуэли Лермонтова“ въ „Литер. Вѣсти“, 1901 г., II-й т., V кн., 106—108).

ци къ памяти Лермонтова. («Новости», 2-е изд., 1891 г., № 203—«Московскія Письма»). Въ томъ же году въ Юрьевѣ, по инициативѣ проф. Висковатова, была отслужена панихида по Лермонтовѣ; пѣль студенческій хоръ; «церковь была совершенно пуста». Въ Николаевѣ и Одессѣ на панихидахъ по Лермонтовѣ присутствовало очень немного молящихся. (См. «Новости», 2-е изд., № 196, «Русская печать»).

Въ юбилейномъ 1914 г. въ газетахъ промелькнуло зловѣщее сообщеніе о томъ, что духовная цензура обратила вниманіе на нѣкоторые «опасные» стихи «Демона», и поэтому предстоитъ пересмотръ произведеній Лермонтова¹⁾.

Грустно... Болѣе семидесяти лѣтъ прошло со дня смерти Лермонтова, но даже и теперь въ значительной степени справедливы печальные слова поэта:

Моей души не понять міръ, — ему
Души не надо. (I, 333).

1) Подробн. см. ниже, стр. 45—48; тамъ же мы указываемъ еще другіе примеры небрежнаго и непріязненнаго отношенія къ памяти Лермонтова.